

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК ИМ. Ч.Э. АХРИЕВА»**

**«КАВКАЗОВЕДЕНИЕ В СИСТЕМЕ
ОБЩЕЙ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ»**
*(к 125-летию со дня рождения ученого-языковеда,
просветителя и драматурга З.К. Мальсагова)*

Материалы

Международной научно-практической конференции

г. Магас, 24-25 сентября 2019 г.

УДК 93/94/908
ББК 63.8
К12

Утверждено к печати Ученым советом
ГБУ «ИнгНИИ»

Редактор:
Накостоев Х.А.

Редакционная коллегия:
Киева З.Х., Хайрова Р.Р., Илиева Ф.М., Костоева Ф.М.

К12 «Кавказоведение в системе общей культуры и образования»
(к 125-летию со дня рождения ученого-языковеда, просветителя
и драматурга З.К. Мальсагова): Материалы Международной
научно-практической конференции. Магас, 24-25 сентября 2019
г. – Назрань: ООО «Кеп», 2019. – 260 с.

ISBN 978-5-4482-0058-8

Сборник составлен по материалам, представленным к Международной научно-практической конференции «Кавказоведение в системе общей культуры и образования» (к 125-летию со дня рождения ученого-языковеда, просветителя и драматурга З.К. Мальсагова). Авторами статей рассмотрены различные вопросы, связанные с изучением языка, литературы, истории и этнографии ингушей и других народов.

Сборник предназначен для научных работников, занимающихся исследованиями в области языкознания, литературы, истории, для аспирантов, студентов и широкого круга читателей.

ISBN 978-5-4482-0058-8

© ИнгНИИ им. Ч.Э. Ахриева, 2019.

ВКЛАД З.К. МАЛЬСАГОВА В РАЗВИТИЕ ИНГУШСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Матиев М.А.

(г. Магас, Республика Ингушетия, РФ)

Аннотация. Заурбек Мальсагов внес значительный вклад в развитие ингушской культуры и литературы. Он был одним из лучших исследователей ингушского языка и фольклора. Его ученики записали и опубликовали большое количество фольклорных текстов. В этом также большая заслуга З. Мальсагова.

Ключевые слова: Заурбек Мальсагов, ингушский фольклор, литература, народные песни, героический эпос.

Abstract. Zaurbek Malsagov made a significant contribution to the development of Ingush culture and literature, was one of the best researchers of the Ingush language and folklore.

Key words: Zaurbek Malsagov, Ingush folklore, literature, folk songs, heroic epic.

Исследуя ингушскую культуру, литературу, язык или фольклор, невозможно не упомянуть имя выдающегося сына ингушского народа Заурбека Куразовича Мальсагова. О том, что Заурбек Мальсагов был прекрасным знатоком ингушского фольклора, пишут И. Дахкильгов, А. Мальсагов и другие авторы [1; 2; 3]. «Глубокими были его познания в области истории, культуры, фольклора, быта», – пишет о З. Мальсагове составитель его избранных трудов А. Мальсагов [4, с. 8].

Одной из своих главных задач как просветителя и ученого З. Мальсагов считал популяризацию фольклора. Он призывал учиться у фольклора. Так, говоря о творчестве своего друга и соратника Т. Бекова, З. Мальсагов отмечает, что он использует уже выработанную в устной поэзии форму и широко заимствует оттуда изобразительный материал [4, с. 35]. Творчество и опыт Бекова он ставил в пример молодым, начинающим ингушским литераторам, призывая их шире использовать в своей работе богатство устного народного творчества. Обращаясь к учителям родного языка, З.

Мальсагов просит их активнее записывать ингушский фольклор: «...Нужно записывать известные им (учителям – М.М.) сказку, поговорку, песню и другие произведения, которые могут понравиться детям, а также те, что услышали от других людей...» [4, с. 282] (перевод с ингушского – М. Матиев).

В апреле 1935 года З. Мальсагов выступил с докладом об устно-поэтическом творчестве ингушей и чеченцев на заседании Ингушского научно-исследовательского института краеведения в г. Орджоникидзе. Позже этот доклад был оформлен и опубликован в виде статьи, но уже после кончины автора, в 1936 году. И хотя опубликована эта работа была под названием «Чеченский народный стих», речь в ней идет о проблемах устной народной поэзии чеченцев и ингушей. «...Здесь мы имеем любопытнейший материал для освещения ряда моментов в изучении нахского языка», – пишет З. Мальсагов, говоря об особенностях художественного языка этих песен [4, с. 33].

Интересным является мнение З. Мальсагова о духовной поэзии ингушей и чеченцев. Речь идет о называемых, которые до сих пор являются самым популярным жанром ингушского фольклора. «Назма допускает светский элемент. Ее содержимым может явиться происшествие житейское, не имеющее никакого прямого отношения к религиозной практике. Она только обрабатывает поэтически свой сюжет, пользуясь выработанным мусульманской поэзией запасом образов, традиционных выражений и типических положений, внося, конечно, при использовании этого запаса свои чеченские приемы и особенности» [4, с. 22], – пишет исследователь. Как справедливо отмечает З. Мальсагов, эти произведения «отмечаются высокими художественными достоинствами. Действие подобной поэзии на слушателей очень велико: потрясенные, они нередко плачут, как дети» [Там же].

Наибольшее внимание в этом своем исследовании З. Мальсагов уделил жанру героико-эпических песен. Автор отмечает, что эти песни не отличаются большим возрастом, «едва ли старейшим из них более 2-3 столетий». Он считает тему борьбы с феодалами «их общим содержанием», с чем трудно не согласиться. Тема борьбы с иноземными феодалами, является, конечно, главной темой рассматриваемых песен. Вместе с тем, нельзя, на наш взгляд, считать ее единственной.

Говоря о главных героях этих песен, З. Мальсагов пишет: «Песни изображают их добрыми молодцами, ревностными мусульманами, покровителями сирот и вдов. Они зажиточны, даже богаты, у них собственные табуны и стада, их оружие блещет серебром и золотом, их платье сработано «черкесскими женщинами, соревновавшимися с кумыкскими». Они ведут праздную жизнь... Они образуют нечто вроде братства, спеша в трудных случаях на помощь друг другу». В целом эти выводы справедливы. Но трудно согласиться с его выводом о том, что прослойка предводителей набеговых отрядов начала феодализироваться [4, с. 23]. И. Дахкильгов, говоря об этой работе З. Мальсагова, справедливо отмечает, что многие тексты ингушских песен были записаны и опубликованы уже после смерти ученого, но они не опровергают выводы З. Мальсагова, а лишь дополняют их [1, с. 451].

Абречество, воспеваемое в более поздних песнях, автор справедливо называет эпигоном прежнего братства предводителей. «Песня же прославилась и тех, и других – но какая разительная разница в тоне, в настроении. Там – воля к борьбе, надежда, уверенность в победе, победа со светлой добычей, здесь – мрачная, трагическая безысходность, отчаянная готовность погибнуть, безрадостная борьба», – пишет исследователь, уловивший основную разницу между двумя рассматриваемыми жанрами.

Трудно не согласиться с мнением ученого о влиянии тюркской (кумыкской) культуры на формирование и развитие рассматриваемого жанра. Но нельзя преувеличивать масштабы этого влияния. Переселившиеся на плоскость горцы уже имели богатые песенные традиции, которые в новых условиях были дополнены и развиты. «Спрос на смелых и предприимчивых людей был велик – и они появились в изобилии. Певцам было что воспевать, – пишет автор, – и возник новый жанр, песня, прославлявшая удальцов...» [1, с. 451].

Особо следует сказать о высоком качестве переводов этих песен, приведенных в статье З. Мальсагова. Проиллюстрируем это на нескольких примерах. «Платье, что черкесские рукодельницы, соревнуясь с кумыкскими, сшили, надел, со стены снял оружие, что злее медведя, тонкий стан опоясал, вошел в дощатую конюшню, молодого гнедого коня за серебряную уздечку вон вывел, к столбу высоко привязал, не мешкая, снарядил его, точно невесту, конь

вертелся, сам сел проворно...». В этих песнях, как известно, герой обращается к коню, как к другу, поверяет ему свои тайны, не приказывает, а просит его: «О молодой мой гнедой конь, которого лелеял я, лишал себя сна и дневного покоя, – теперь будь соперником льву в прыжках, соревнуйся с соколом в лёте». Гиперболизация является частым приемом при описании боя: «...не глядя ударив, двоих сшибает, рассчитанным ударом троих сбивает...» [4, с. 25].

К сожалению, на сегодня нам известен лишь один фольклорный текст в записи З. Мальсагова [4, с. 306]. Несмотря на то, что он опубликован без паспортных данных, его значение для ингушской науки трудно переоценить (текст записан на ингушском языке, сам сюжет до этого никем не был записан и опубликован).

З. Мальсагов больше заботился о том, чтобы подготовить людей, которые будут записывать фольклор. Его ученики Х.-Б. Муталиев, Х. Осмиев, Д. Мальсагов, Б. Зязиков и другие записали и опубликовали большое количество ингушских фольклорных текстов. В этом также большая заслуга Заурбека Мальсагова.

Как видим, Заурбек Мальсагов был не только выдающимся лингвистом, литературоведом, просветителем, он внес значительный вклад в развитие ингушской фольклористики. Многие его работы до сих пор являются необходимым и важным подспорьем, настольными книгами для исследователей ингушского фольклора.

Список использованной литературы:

1. Дахкильгов И.А. Мальсагов Кураза Зоврбик // Дахкильгов И.А. Боль и гордость моя – родная Ингушетия. Сост. Матиев М.А. – Нальчик, 2007. С. 445-468.
2. Дахкильгов И.А. Мальсагов Кураза Зоврбик // Дахкильгов И.А. Галглай говзама литература (1944-ча шерага кхаччалца). – Нальчик, 2009. С. 165-206.
3. Мальсагов А.У. Цихеза Илманхо, йоазонхо, коммунист // Абу Мальсагов. Керда вахар бахъан. – Грозный, 1990. С. 55-63.
4. Мальсагов З.К. Избранное. – Нальчик, 1998.